

ЧИТАЙТЕ

4 • 5 **Азбука Брежнева**

К 110-летию со дня рождения генерального секретаря ЦК КПСС стоит вспомнить о его главных достижениях.

7 **Истерика как бизнес**

Захар Прилепин и Мария Арбатова за работой.

9 • 14

«Многоязыкая лира России»

Представляем произведения современных писателей Якутии.

15 **Свиридов такой молодой**

Событием уходящего года стала премьера юношеской симфонии последнего великого русского композитора Г. В. Свиридова – сначала в Сибири, потом в Санкт-Петербурге.

21 **Вечный зуд**

Почему автор знаменитых романов «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» стал мишенью для злобных критиков?

ТЕМА НОМЕРА

СССР: от рассвета до заката

Хроника геополитической катастрофы

Сразу несколько важных дат, связанных с судьбой Советского Союза, соседствуют в нынешнем декабре: четвертьвековой юбилей Беловежских соглашений; 110-летие Леонида Брежнева; день образования СССР в 1922 году. Возможно, именно с этим и связано оживление антисоветской риторики: оскорбления панфиловцев, установка психиатрического диагноза Зое Космодемьянской. Существует идея, что пропаганда такого рода – применение стратегии «деконструкции мифа» – лишь усиливает ностальгию, просоветские настроения. Идея, конечно, изящ-

ная, но она не подтверждается социологией. Если проследить динамику общественного мнения за последние 25 лет, очевидно – признанное отношение к СССР, к его лидерам, к социализму в целом становится всё менее заметным. Хотя народ и остаётся в массе своей сторонником «Красного проекта», но происходит смена поколений, и вот уже в этом году на вопрос ВЦИОМ о необходимости сохранить СССР утвердительно отвечает 64% (на референдуме 1991 г. – 71%). То есть пропаганда даёт плоды. Она ведётся постепенно, последовательно, изощренно (случай с психиатром-ка-

рикуристом скорее вульгарный эксцесс). Вовлечены в идеологическую работу даже инициаторы Беловежского соглашения: регулярно выступает в «Ельцин Центре» Геннадий Бурбулис, занимает пост председателя Российского исторического общества Сергей Шахрай. Однако происходят в стране и символические события противоположного рода, например, есть идея создать арктический командный пункт Министерства обороны на борту атомного ледокола «Советский Союз». И его уже восстанавливают.

Продолжение темы на стр. 3, 4, 5

НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ

Спасём наш союз!

Обращение к писателям России

Обращаемся к вам, коллеги, в связи с нетерпимой ситуацией, сложившейся в нашем профессиональном сообществе и чреватой самоликвидацией Союза писателей России. Никогда ещё авторитет нашего объединения не падал столь низко. В минувшие годы шла деградация некогда славной и могущественной организации, утрачивалось влияние на умы сограждан, сворачивался разумный диалог с властью, таяло влияние на литературно-издательский процесс, распались взаимно обогащающие связи русской словесности с литературами нашей многонациональной страны, сжималось значение художественного слова в информационном пространстве. Социальный статус литератора сделался ничтожным, а

понятие «писатель» вообще исчезло из федерального реестра профессий. Руководители нашего союза предпочитали не замечать колоссальных изменений в информационных, полиграфических, издательских технологиях, «рыночной» специфики книжной торговли, нарастающего давления массовой культуры, вульгаризации и ослабления позиций русского языка.

Символом упадка стал тот факт, что Год литературы прошёл без всякого участия Союза писателей России. А ведь, по сути, СП РФ представляет собой крупнейшую гуманитарно-патриотическую организацию, имеющую отделения во всех субъектах Федерации. Но этот потенциал не востребован.

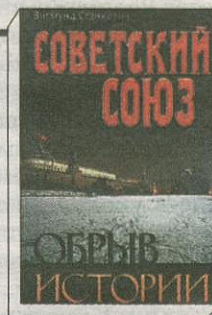
Окончание на стр. 6

КНИГА НЕДЕЛИ

Зигмунд Станкевич.
Советский Союз. Обрыв истории

М.: Книжный мир,
2016

708 с. 1000 экз.

есть и гражданское чувство, и обличительный пафос. З. Станкевич не стесняется называть вещи своими именами, упоминает многие фамилии, и понятно, что это понравится далеко не всем. Вот как объясняет автор замысел: «Идея подготовки издания возникла в самом

начале «юбилейного» 2016 года, в котором исполняется четверть века решающим событиям 91-го, судьбоносного для страны и переломного для мира. Показалось важным, чтобы в этом знаменательном году звучали не только радостные голоса «певцов распада», но и было слышно мнение тех, кто считал и продолжает считать развал Советского Союза настоящей катастрофой для абсолютного большинства граждан бывшей сверхдержавы».

начале «юбилейного» 2016 года, в котором исполняется четверть века решающим событиям 91-го, судьбоносного для страны и переломного для мира. Показалось важным, чтобы в этом знаменательном году звучали не только радостные голоса «певцов распада», но и было слышно мнение тех, кто считал и продолжает считать развал Советского Союза настоящей катастрофой для абсолютного большинства граждан бывшей сверхдержавы».

4 ЭНЕРГИЯ БУДУЩЕГО

люди СУЭК

В шахте забываю о поэзии

Дмитрий Филиппенко – и горный мастер, и мастер слова

– Дмитрий, вы пишете стихи и всю жизнь работаете на шахте. Кем считаете себя в первую очередь: шахтёром или поэтом?

– Шахтёром и поэтом. Людям разных специальностей свойственно иметь хобби. В моём случае хобби переросло себя. Не представляю свою жизнь без литературы. Иногда ловлю себя на мысли, что если два дня ничего не делаю, то начинаю грызть что-то изнутри: давай, что-нибудь организуй или отредактируй.

В пять лет наизусть знал практически все песни Владимира Кузьмина. В семнадцать лет уже начал писать свои песни. Даже создал с другом группу «Пятый сезон» на базе Ленинск-Кузнецкого горнотехнического колледжа.

Со временем группа распалась, но я не прекращал писать стихи. В 2006 году на меня обратил внимание член Союза писателей России Алексей Бельмасов, и началось освоение стихосложения. Конечно, я благодарен ему за то, что сейчас умею. В 2013 году Алексея Бельмасова не стало. Для меня это невосполнимая потеря. Но без наставников всё равно нельзя. Должны быть старшие товарищи, которые направляют в правильное русло. Для меня это Дмитрий Мурзин, Нина Ягодинцева и Сергей Донбай.

– На работе думаете о поэзии?

– Когда спускаюсь в шахту, то сразу забываю, что я поэт. Потому что как горный мастер я отвечаю за шахтёров, за каждого человека в своей смене. Все действия должны быть согласованы со мной. А потом, когда отчитался за наряд, могу подумать о поэзии.

– Вы основали литературный цех «Образ». Каких авторов он объединяет, и почему именно цех?

– Со стороны кажется, что это типичное ЛИТО, но на деле не совсем так. На каждом заседании мы не просто обсуждаем новое стихотворение того или иного автора, но и работаем со словом. Например, играем в игры по стихосложению, такие как общеизвестное бу-

риме. Много черпаем из пособия Нины Ягодинцевой «Литературно-творческий практикум». Два раза в месяц изучаем биографию и творчество русских писателей. Всё это не проходит зря и делается не баловства ради. Участники нашего литературного цеха участвуют в разных всероссийских конкурсах. В апреле участница цеха Ая Рейн выиграла Межрегиональный конкурс Игнатия Рождественского в Красноярске. Она же прошла в финал Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» в Москве.

Цех – это работа головы и рук. И когда эта связка работает сообща, то получаются великолепные стихи и проза.

– Новое время привело с собой новых героев в искусство, а человек труда оказался в тени. Если бы вас, как пишущего человека, попросили создать образ современного шахтёра, каков бы он был?

– В наше время тоже выходят фильмы о шахтёрах. Из недавних, к примеру, «Последний забой», «Взорванная любовь». Но в них совершенно не показан героизм профессии.

В фильме «Последний забой» изображены шахтёры-трусы, которые, испугавшись жизненных трудностей, решаются инсценировать свою гибель в шахте ради того, чтобы родственники получили компенсацию за их смерть. Настоящий шахтёр никогда не пойдёт на это. Он найдёт выход из жизненной ситуации и обеспечит семью. Потому что шахтёры это в первую очередь – мужики.

Образ настоящего шахтёра мне легко представить. Я с ними работал и работаю. Это Сергей Иванович Авхимович и Сергей Викторович Колтаков. Это лучшие люди, на которых стоит равняться молодым. Оба бригадира на двоих прошли рекордное количество метров на всю Россию. Они научили меня многому в шахтёрской профессии.

– Творческий процесс подчас сложно ограничивать рамками. Рождались ли у вас стихи во время работы – под землёй?

– Да, рождались. Представьте, у горного мастера дорога из забоя в забой составляет три километра – минут тридцать ходьбы. Когда идёшь по путевому штреку, мысленно перебираешь слова. В результате часто рождается новое стихотворение.

– Труд шахтёра – командный. Надо быть готовым подставить плечо товарищам. Это человеческое качество проявляется и в вашем подходе к творчеству. Вы возглавили литобъединение, редактируете литературные альманахи, активно участвуете в фестивальном движении, много выступаете и помогаете быть услышанными другим авторам. Расскажите про своих соратников по перу.

– Конечно, невозможно быть одному. Я благодарен каждому из своих коллег, а точнее друзей. Это Светлана Уланова, с которой мы уже четыре года делаем фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова, Юлия Сливина, с которой познакомились ещё в 2006 году, когда я делал первые шаги на серьёзном поэтическом поприще, теперь она член редколлегии альманаха «Образ». Ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса» Дмитрий Мурзин – мой большой друг. Если в чём-то сомневаюсь, он всегда подскажет и даст совет.

– Есть ли в вашем творчестве образы, навеянные работой на шахте?

– Несомненно, и это проявляется в стихах. В частности, в поэме «Шахтёр № 17». Но я мало пишу о шахте, многие спрашивают, почему? Всегда отвечаю, что вряд ли хирург будет писать стихи о своей профессии. Кроме того, я живу в шахтёрском городе, где каждый второй автор пишет о шахте. Я не хочу становиться поэтом одной темы, тем более что шахта и так составляет важную часть моей жизни.

Беседу вела

Мария Ануфриева

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Дмитрий Александрович Филиппенко родился в 1983

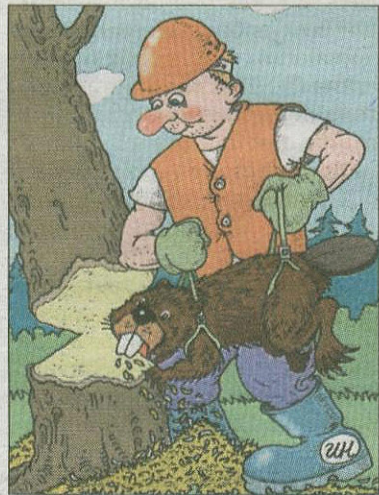
году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Стихи пишет с 15 лет. С 2006 по 2014 г. – участник литературного объединения Л.И.К., с 2015 года – основатель и руководитель литературного цеха «Образ». Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Плавучий мост», «Лифт», «Байкал»; газетах «ЛИК», «Площадь Пушкина». С 2013 г. – главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «Образ». Участник Международного фестиваля «КУБ»-2016 (Красноярск), «Рифейских встреч-2015» (Каменск-Уральский), фестиваля-семинара «Мы выросли в России»-2015, 2016 (Бугуруслан), Регионального совещания сибирских писателей – 2016 (Новосибирск). Автор двух книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук» и «Небо на подоконнике». Работает в компании СУЭК в шахтоуправлении имени А.Д. Рубана горным мастером. На шахте с 2005 года, начинал работу с профессии проходчика.

«ЧЁРНЫЙ» ЮМОР

Байки про Редькина

Айса Абушаев

Эти короткие истории о молодом неопытном шахтёре не выдуманы, все герои – реальные люди. С шуткой всегда легче работать, и в каждом коллективе найдётся свой Василий Тёркин, который при случае подшутит над молодым напарником. Но подшутит не зло, по-доброму.

Давай, Редькин! Давай!

Устроился в шахту проходчиком бывший колхозник по фамилии Редькин. Спустились в шахту, пришли в забой. Вот бригадир и говорит Редькину: «Ты, Вася, бери пилу и отпили от стойки в том месте, где отмерено. Забой крепить надо». И показывает на электропилу. А электропила к электричеству была не

подключена. Взял Редькин инструмент, потрогал острые зубья на цепи и давай стойку пилить, как ножовкой. Неудобно что-то. А пила-то тяжёлая, больше пуда весит. Бригадир подбадривает: «Давай, Редькин, давай!»

Долго Вася Редькин работал, а отпилить не смог. Мокрый

весь. Уморился. Присел отдохнуть и только тогда увидел, что вся бригада со смеху по земле катается. А после бригадир сказал, что электропилу нужно к электричеству подключать. Со временем Редькин научился всем тонкостям шахтёрской профессии, и хороший проходчик из него получился.

Как Вася Редькин жене помог

Как-то Вася Редькин получил наряд от начальника участка помогать электрослесарям в ремонте и смазке механизмов. Смазка велась солидолом. А солидол, как известно, трудно отмыть.

Работа была закончена, и опытные электрослесари, протерев руки ветошью, быстро отмыли их добела другой смазкой – констатином. Один из электрослесарей, посмотрев на чистенькие руки, говорит: «Во,

какая чистота – как в клинике. Моя жена всегда с констатином бельё стирает. Всего одну горсточку бросит в стиральную машинку, и хватает на гору белья, ни порошка, ни мыла не надо».

Вася себе на уме. Тихохонько, украдкой набрал в газетку килограмма два смазки и унёс домой. Решил Вася с выгодой постирать бельё сам и удивить жену своей сметливостью в

экономической сфере. И удивил.

Дело было в пятницу. Прошли два выходных, а в понедельник... В понедельник простодушный Вася на наряде сообщил коллективу, под общий хохот, что бельё почему-то не отстиралось, и даже наоборот. О том, как среагировала жена, не сообщалось. Так Вася Редькин узнал о свойствах констатилина.

ПОЭЗИЯ

Я нашёл, где у неба ресницы

Дмитрий Филиппенко

Русский тополь

Рыжий тополь за окном
С конопатой листвою...
Но однажды серым днём
Расчленили ствол пилою —

И запахло во дворе
Тополиной кровью сразу,
И горят в немом костре
Тело тополя и разум.

И на что во двор смотреть,
Если мне печально, грустно?
Почернела листьев медь,
Прах развеян в небе русском.

Рассветы

Где сегодня торгуют рассветом?
И какие расценки сейчас?
Может, скидки у них этим летом
На рассветные слёзы для нас?

Я случайно узнал на базаре,
Что луна завлекает народ
И торгует налево-направо,
Разливая рассвет, словно мёд.

Соберу я последние деньги —
И скушлю весь рассвет у луны!
Только вечером, встретившись с тенью,
Всё продам ей за четверть цены.

Прорастать

Конечно, мне Есениным не стать.
Как Маяковский, мне не застрелиться.
Неудержимым ливнем не пролиться,
Не целовать брусничные уста.

Конечно же, мне гением не стать —
Не разгадать художника Да Винчи,
Не рассказать мне седею притчей...
Придётся Филиппенко прорастать.

И я влюбился в это лето
В девочку с именем на «Ю».
Зачем влюбляются поэты?
Зачем любить себя дают?

Зачем ругаются поэты?
Ищу ответ на свой вопрос,
По книгам шляются портреты
И прячутся за вопли роз.

Зачем стреляются поэты?
(Но прежде требуют: «Налей!»)
Слезам красными рассветы
Ревут над осенью полей.

Депрессия мысли

Кто же там — по ту сторону капли,
Что упала на вечер Сибири?
Грустно стёклам в панельной квартире.
В ней не пленник — а всё-таки раб я.

Позабыл я родные мне числа.
Я живу по ту сторону капли.
И не выберусь, мама, никак я
Из-под пресса депрессии мысли.

Хоккейное

Поздним вечером страна
горько плачет.
Уложили всю страну на лопатки.
И солёный лёд последнего матча
Понял правду — почему он не сладкий.

Ждали чудо, запах первого гола —
А в подарок аритмии осколок...
Лишь остался горький вкус валидола.
Не разгонит нам сердца кардиолог.

Голодали без побед и медалей.
Долго всматривался в нас город Сочи.
Поменяем мы коньки на сандалии,
Если наш хоккей ещё кровоточит.

Иркутская история любви

Иркутская история любви
Была порой скандальна, но красива.
Она была нежна и молчалива,
Когда спала — а днём не уловить.

А он был слишком мягок и влюблён,
И закрывал глаза на все туманы,
И получал бесчисленные раны —
Всё оттого, что не был он умён.

Любовь её не выпил, не украл —
Она ушла, за ней раскаты грома.
И не помогут восемь рюмок рома:
Остался в сердце холодом Байкал.

Мост надежды

Удар сильнее тот, которого не видишь.
И лицемерие души твоей — удар?
На расстоянии смогла меня обидеть
И непощением казнила без суда.

Ох, столько времени я строил
мост надежды
И верил в то, что злая память умерла!
Той зимней ночью растерял свою
я нежность,
Любовь моя в холодный мрак ушла...

Последний год зарос
враньём чудесным,
Оно мне только горе принесло!
Ты всё запутала в цветные кудри слов.
Я заблудился в небе одноместном.

Деревня детства

Я приехал в деревню свою,
Чтобы детство увидеть далёкое.
Снова плечи целует июль,
Задышали свободой лёгкие.

Прикоснулся я к чистой траве,
Отогрел возле озера душу я —
Я б остался в берёзах навек,
Птичью музыку сердцем слушая.

А когда приползёт темнота,
Сяду я на скамейку у тополя...

Деревенская спит красота,
И название ей — Протопопово.

Влюбился...

Влюбился я нечаянно в тебя,
В твои дожди, в твой городок уютный,
В твой голос, словно шёпот октября,
Мурлыканье твоё июньским утром.

Влюбился я в касанья рук твоих —
И в их тепле ничуть не усомнился.
Влюбился в воздух с запахом хвои,
И в это небо тоже я влюбился.

Влюбился я давно в твои стихи,
И покорён метафорой, и строчкой,
А для тебя любовь — ха-ха, хи-хи...
В твой вкусный смех влюбился я,
и точка!

Без ума

Как же от тебя я без ума!
От волос, что цвета апельсина.
Любишь футболиста Бензема? —
Мне милей Гагарина Полина.

Разные, по сути, мы с тобой,
Ты не смотришь фильмы
с Джорджем Клуни,
Но зато все песни Backstreet Boys
Для тебя душевней полнолуний.

Грамотна, талантлива, умна —
Я ж простой и в меру не упитан...
Понял, почему ты влюблена —
Я гораздо лучше Брэда Пита!

Когда на землю падал первый снег,
Такой же тёплый, как твои ресницы,
Рассвет-мальчишка первым покраснел,
Когда смотрел в твои глаза царицы.

Ты красотой очаровала всех,
В своих руках тебя качает осень.
Пролился радугой
твой разноцветный смех,
Осенней свежестью заманивают косы.

Как хорошо, что яркая душа
Дана тебе за любящее сердце!
Ты не боишься сделать первый шаг.
Ты женщина, в глазах которой —
детство.

Вопреки

Позволь мне с тобою мириться,
Снова ссориться не разрешай.
Я нашёл, где у неба ресницы,
И узнал, где у солнца душа.

На зелёных страницах печали
И в сиреневых нотах тоски.
Мы нашли то, что долго искали,
Ядовитым словам вопреки.

Ты вернулась ко мне, и не надо
Снова рвать эту хрупкую нить.
В серебристой листве снегопада
Мы сумели любовь сохранить.

Уехала она

Домой уехала она,
Не помахала мне рукою.
Мне остаётся вспоминать
Любви смертельные уколы.
Похоже, не любил. Страдал.
Привык к её непостоянству.
Нас разделила череда
Медлительных зелёных станций.

Уехала на свой восток
И не дала второго шанса.
Но я успел испить глоток —
Глоток иркутского пространства.

Вчера узнал иронию судьбы.
А раньше никогда в неё не верил...
Не помню, как открыл я эти двери —
В автобусе проснулся вроде бы.

Спросил людей, куда мы держим путь.
Мне девушка ответила: в Белово.
В Белово? Это где такое слово?
На карте мне покажет кто-нибудь?

Я сам с Новосибирска. Как же так?
Из Кемерово еду я в Белово?
Я помню водку, две тарелки плова...
А где же друг? — Не вспомню я никак.

Ну, вот мы подъезжаем на вокзал.
Куплю билет домой, к жене поеду,
И поменяю жизненное кредо —
Не буду больше заливать глаза!

Проспекты, ливни, фонари...

Проспекты, ливни, фонари
Запомнили прогулки наши.
Я выстроил забор из рифм,
Но без любви не стал он краше.

Горизонтальная зима
Легла на город мой кузнецкий...
Тебя любил, и ты сама
Меня любила не по-детски.

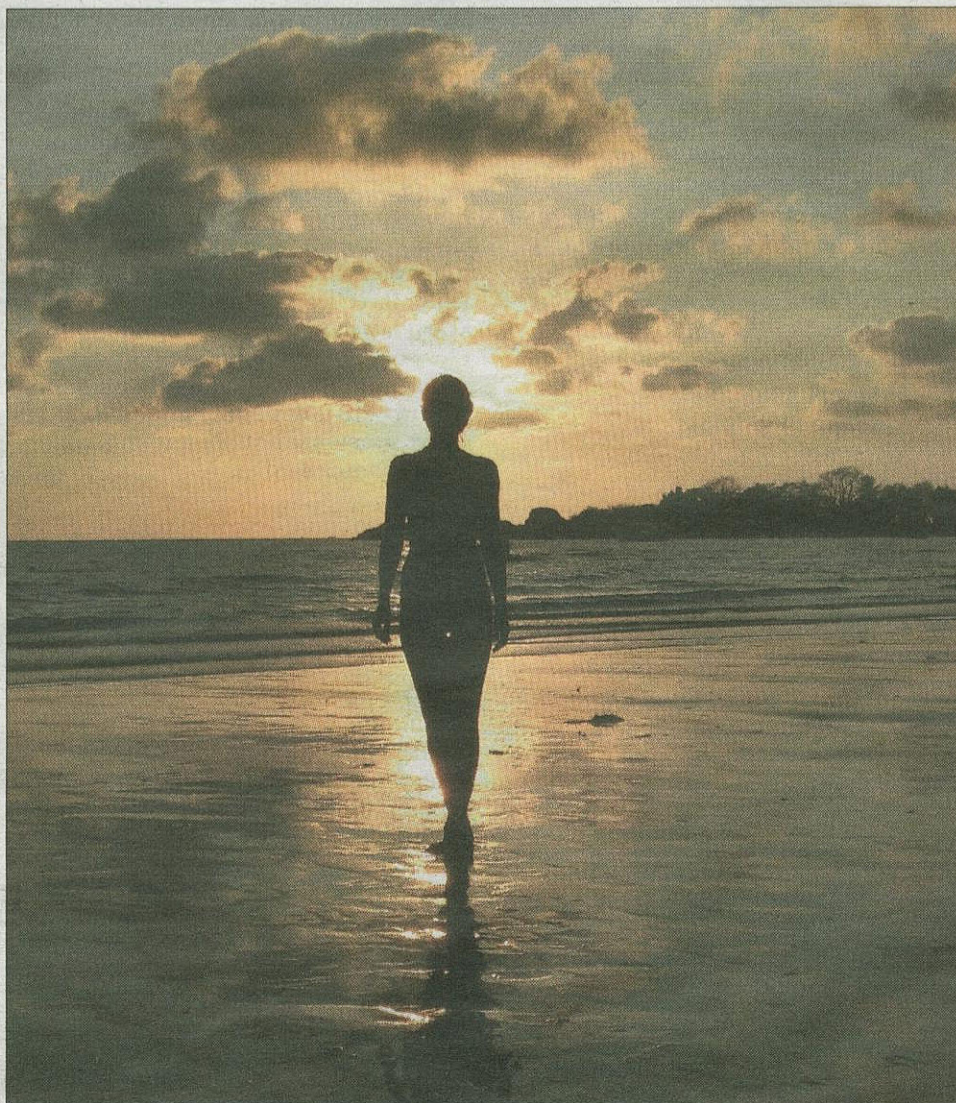
Тебя любить — напрасный дар!
И в музыке зелёных сосен
Нас разлучила навсегда
Моя кольчугинская осень.

Не успеваю

Сделать бы сутки по тридцать часов —
Времени жить не хватает.
Больше работать хочу. Я готов!
И не хочу на Гавайи.

Не успеваю собрать альманах,
Не продолжаю поэму.
Ходит бессонница в серых штанах
И обостряет проблему.

Не удержал, не замедлил года —
Видно, утратил споровку.
Может, с ума мне сойти — и тогда
Время возьмёт остановку?

Почерк родного края

Светлана Уланова

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Светлана Владимировна Уланова родилась на Камчатке 2 января 1967 г. Живёт в г. Польшаево Кемеровской области. Окончила Кузбасский технический и Томский архитектурно-строительный университеты. В настоящее время – горный инженер-маркшейдер на шахте и, по совместительству, одна из организаторов Всероссийского фестиваля поэзии им. А. Бельмасова 2013–2016 гг. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Начало века» (Томск), «БЕГ» и «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «ЛИФФТ», «Московский вестник», «Наше поколение» (Кишинёв, Молдова), в московском еженедельнике «Слово» и др. Автор поэтических книг: «На тонких струнах любви», «Кольчугино колечко», серии книг для детей издательства «Феникс»: «Весёлые трафареты» («В лесу», «На ферме», «Транспорт», «Овощи-фрукты»). Член Союза писателей России с 2015 г.

Отец

Давно не слышно канонады...
Но слышен гул – здесь шахта рядом...
Когда детишкам сладко спится –
Идут шахтёры вереницей –
Там мой отец... Он каждый раз
Целует на прощанье нас.

Шахтёрская пехота

Отбой, закончена работа!
И, чёрным обливаясь потом,
По шпалам бодро, как по нотам,
Идёт шахтёрская пехота...

В пластах угля звенят пустоты,
Летят по штреку анекдоты,
А «на-гора», неся заботы,
Идёт шахтёрская пехота...

Идёт шахтёрская пехота.
Дожить до пенсии охота.

Зимой

Солнце глаз чуть-чуть приоткроет –
Утро комкает тишину.
Гул стремится пчелиным роем,
Сна остатки, с дорог смахнув.

Собирая в дорогу мысли,
Сяду в утреннее авто.
Снег ложится накидкой чистой
На асфальтовое пальто.

подавляю в себе дремоту...
Здесь, в Сибири закон такой:
По темну спешу на работу,
По темну прихожу домой.

Бесконечно дорого
Сменю бесконечную зиму
на бесконечность лета,
Где есть бесконечное море
и бесконечность света,

Где новых лиц бесконечность,
и свежий весенний ветер,
И вместо зимней суровости
день золотист и весел.

Смогу я там затеряться
в лицах мне не знакомых,
Где даже холодный камень
живёт по другим законам...

Смогу ли?... А может, лучше
остаться, пока не поздно,
И вспомнить, как в тихой речке
ночью купаются звёзды,

Дремать под берёзой летом
под шёпот знакомых листьев,
Под шелест листвы осенней
забыться в собственных мыслях...

Уйти в знакомые дали, где детство,
как быль и небыль,
Где есть бесконечное небо
и бесконечность снега...

Где бегали наши дети
и воспоминаний ворох,
Где почерк родного края
мне так бесконечно дорог.

Бесприютность

Раньше здесь теплом дымились пашни,
Золотое поле колосилось,
Бегали с утра детишки наши
В междурядьях маленькой России.

Заросли поляны и осоки
Даже на кладбищенской дороге...
Вороньём разносится тревога
И летит от запада к востоку...

В безнадёге деревеньки утлой
Журавли весной заголосили –
Голос веры, что вернётся утро
В неприютность маленькой России.

...А ещё говорили: «Вот раньше-то было!
У сибирской зимы свой
суровый закон...»

Вновь соврал календарь –
к нам зима подкатила,
Навалила сугробов до самых окон.

Брызги рыжей листвы
заполняют пробелы,
Не желая оставить ни шанса зиме,
А зима заправляет хозяйкой умело –
Посреди октября дарит
свой комплимент.

И с утра раскрасневшийся
дворник Егоркин
Вроде рад и не рад неосенним дарам.
В октябре средь двора
возвышается горка,
От неожиданного счастья визжит детвора.

Сибирской зиме

У нашей зимы очень крепкая жизнь,
Ударит морозом – ты только держись!

Крещенский – он самый
из самых повес –
Пытается прямо под шубу залезть.

Добраться он хочет до мозга костей,
Но лишь для нерусских
он страшный злодей,

В Сибири сподручней
с морозом дружить,
Жар русского духа в нас не затушить.

Крестом осеняясь, в купель захожу –
Любая погода подвластна «моржу».

Всё так банально

Всё так банально и так привычно.
И слава богу, что всё отлично.

Простое утро, совсем не праздник...
Простые чашки, простые фразы.

Полоски солнца на стол упали.
Нам друг без друга прожить... едва ли.

Всё так привычно, всё так нормально.
Любить банально, и жить банально...

Но это утро за занавеской!
И наше Счастье в кровати детской!

Самое главное

Самое главное счастье на свете,
Это когда появляются дети...

Нежность без меры, когда на подушке
Чувствую запах любимой макушки,

Как я целую твои локоточки,
Пальчики, ямочки и ноготочки...

Пульс не унять мне, когда ты с пелёнки
Мне доверяешь и тянешь ручонки.

Счастьем дышу, не живу, а летаю,
Эти мгновения в сердце вплетаю!

Бабушке

Ночь крадёт чёрной кошкой,
Испугавшейся свечи.
Тянет из сеней морошкой,
Хлебным духом из печи.

Вспомним, милая, о прошлом
Или просто помолчим,
Пусть молчанье о хорошем
Растворяется в ночи.

Посиди со мной немножко,
Слово нужное скажи,
Проведи своей ладошкой
Мне по краешку души.

Ещё не время

Пришла беда, стоит у двери...
Я не могу в неё поверить!
Я не хочу её примерить,
Зачем стоит у нашей двери
Упрямо?

Я по тебе уже тоскую,
С болезнью я борюсь вслепую...
Я от судьбы не жду ответа
Мне нет роднее человека,
Чем мама...

Больница, белая палата –
Ещё не время для заката!

Я поделюсь с тобою кровью,
Здоровьем, жизнью и любовью!
Встань, мама!

На аллее Пушкина

Здесь моё искрилось детство
С первыми веснушками...
Я душой пришла согреться
На аллею Пушкина.

Сказок много есть на свете –
Но его – дорожке мне...
Пушкина читаю детям –
Вырастут хорошими!

Света

Я весну искала в межсезонье где-то
И кричала небу: Света, света, света!

Яркий май остался
в бликах предрассветных, –
обернувшись ветром, я влетела в лето...

Промелькнуло лето – бабий век не долог,
Я пришла к ответам, но уже за сорок...

За спиной осень пёстрым силуэтом
закричала вслед мне: Света, Света, Света!

У витрины

Богатством сверкают витрины,
Гламуром и лоском маня,
И, глядя на эти картины,
Вздыхает дочурка моя...

Пойдём мы от этого места,
А вечером дома – вдвоём,
Состряпаем счастье из теста,
Любимую песню споём...

Украдкой смахнула слезинку,
Встряхнулась... Чего это я?
И дочке сказала: «Соринка...
Чуть-чуть не попала в меня».

Жилище поэта

Пусть жизнь протекает обычно прозой
В рассказах о прошлом и о настоящем...
Жилище поэта – особенный остров,
Когда вдохновение животворяще.

Зачёркнуты строки безжалостно будут,
И строчка одна, та, которую нужно, –
Нечаянно вспыхнет под стать изумруду,
И рифма окажется очень послушной.

Сидишь за столом,
но над миром парящий,
Горишь маяком в полутьме,
прямо в космос...
Когда вдохновение животворяще,
Жилище поэта – особенный остров!

Когда душа нагая,
без сорочки,
И нужная в тебе возникнет
строчка...
Надрывностью,
а может, тихой грустью...
Вдруг, от неё
на сердце что-то хрустнет,
Так зазвучит,
ни от кого не спрячешь,
Когда душа и сердце
просто настезь,
Ты видишь:
ключ
от смысла жизни найден,
И счастлив ты,
пусть не на год,
но на день.

НАЧИСТОТУ

Светлана Уланова (слева) из шахтёрской семьи

Даже под землёй есть граница

Что за страшное слово – маркшейдер?

– Светлана, вы из шахтёрской семьи?

– Отчим, которого я всегда называю папой, – шахтёр, ветеран труда. Помню, уходя на смену, он всегда целовал меня и брата. А когда возвращался, приносил шоколадку. Муж тоже бывший шахтёр.

– Почему выбрали именно эту профессию?

– Все живущие в угольном регионе прямо или косвенно всё равно связаны с шахтёрскими профессиями. В Кузбассе два самых главных праздника: День шахтёра и Новый год. Их празднуют все – и взрослые, и дети. И когда звучит последний звонок, то выбор многие останавливают на шахте. Помню, листала справочник «Куда пойти учиться», увидела специальность «маркшейдер», подумала: «Что за страшное слово?» А потом именно эту специальность и выбрала.

– Для непосвящённых в тонкости горного дела слово и правда страшное. Что за ним скрывается?

– На заре становления горной промышленности основной задачей маркшейдерской службы являлось определение под землёй границ горных отводов отдельных шахт. Людей, умеющих это делать, стали называть маркшейдерами, что происходит от немецких слов: «mark» – граница, межа и «scheiden» – устанавливать. Слово «маркшейдер» в буквальном переводе означает «установитель границ».

Простому человеку и представить сложно, как глубоко под землёй идут две бригады встречными забоями и сбиваются в одну выработку длиной в километр или больше. Маркшейдеры измеряют длину с точностью до миллиметров, углы в градусах – до секунд. Всё происходит в очень экстремальных условиях. Как только не приходилось работать с теодолитом: стоя на коленях или почти лёжа, а бывало и стоя на одной ноге... Меня уверяли, что я научусь ругаться по-шахтёрски. Но, видно, мало ещё работаю – пока не научилась...

– Увлечение стихами давнее?

– В школьные годы была у меня тайная тетрадка, в которую

записывала свои рифмованные строчки. Кто не пробовал писать стихи во времена первой влюблённости и переживаний, начитавшись романов Дюма, стихов Пушкина, Есенина? Потом был институт, замужество, рождение детей. И эта увлечённость отодвинулась на второй план. В свободные минуты старалась читать. А с детьми разучивали стихи Ахматовой, Маршак... Стихи снова пришли ко мне, когда дети выросли. Нашла свою тетрадку, решила пересмотреть свои вирши по правилам стихосложения. Занималась чистой математикой: считала размер, отсчитывала ритм. Так появилась первая книга.

– Расскажите о Всероссийском фестивале поэзии им. А. Бельмасова, одним из организаторов которого вы являетесь.

– Родоначальником его был член Союза писателей России Алексей Бельмасов. Когда поэта не стало, Дмитрий Филиппенко и я решили продолжить его дело. «В Ленинске-Кузнецком всегда кипела поэтическая жизнь. И будет кипеть!» – решили мы. Помогли волонтеры, ребята из литературных студий. Отдельная благодарность нашим спонсорам – ведущим угольным компаниям региона: ОАО «СУЭК – Кузбасс» и ОАО «Шахта «Заречная». Четвёртый поэтический фестиваль им. А. Бельмасова получил статус всероссийского. Приехали более ста участников из десятков городов Кузбасса и Сибири. Семинар для молодых авторов провели такие мастера, как Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов и Дмитрий Мурзин (Кемерово), Нина Ягодинцева (Челябинск), Валентина Ярофеева-Тверская и Вероника Шелленберг (Омск).

– Ваши дети продолжают шахтёрскую династию?

– Младший сын после службы в армии уже год работает на шахте, знает мою работу изнутри. Самое важное, чтобы дети нашли себя в жизни и достигли успехов. Знаю, что после трудового дня в шахте дома дочь напоят меня чаем, а сыновья помогут по дому или с работой на компьютере и всегда поддержат в трудную минуту.

ИЗ БЛОКНОТА

Дважды боевое крещение

В угольной промышленности работают не только мужчины. У нашего автора Светланы Улановой случился даже не один, а целых два первых рабочих дня на шахте.

Робы, портянки и купальники

Первой была шахта в городе Кемерово. На втором курсе университета я с однокурсниками отправилась на производственную практику. Приехали на шахту, получили робы: куртки, штаны, каски (белые, как у настоящих инженеров), нательное бельё, сапоги, портянки – всё, как полагается.

Нужных всем размеров спецодежды, естественно, не хватило. Моей одногруппнице Галке достался 54-й размер. А она маленького росточка, худенькая. Снарядили мы её в робу: куртка до колен, штаны – ещё две Галки войдут, нашли бинт, подпоясали, рукава подвернули, посмотрели – настоящий шахтёр в миниатюре.

Про наматывание портянок отдельный разговор, как в кино «А зори здесь тихие». У меня сразу получилось, прошедший войну дед только портянки признавал, а я часто в детстве гостила в деревне. А вот в Галкины шахтёрские сапоги ноги в кедах спокойно входили. Кто-то принёс ей сапоги поменьше. Обули. Посмотрели друг на друга. Посмеялись. Пошли.

В ламповой получили по шахтёрскому светильнику с килограммовым аккумулятором, и конечно, по самоспасателю – ещё 3,5 кг. Кстати, сапоги тоже около двух кг весят... В клетки шахтёр развёл руками, глядя на Галку: «Зачем такую малышку в шахту взяли?»

Помню, как на спуске закладывало уши, гул, клочкотание в груди и страх неизвестности. На глубине не давала покоя мысль,

что в шахте я могу видеть только благодаря своему светильнику.

Потом была работа на территории шахты. Лето, июль, солнце. Девчонки разделались почти до купальников: жарко же! Удивлялись, правда, что непривычно много шахтёров на поверхности, и почти не работают, сидят без дела. Потом пришёл главный инженер и предложил всем одеться, сказав, что из-за нас, практиканток, шахта встала.

В шахте всё по-другому

Первый день настоящей работы на шахте случился после тринадцатилетнего перерыва, если не считать годы работы на открытых разработках, где всегда есть небо и солнце. В шахте всё по-другому.

Устроившись на шахту, я удивлялась: девочки-маркшейдеры с утра убегали в шахту, как они говорили, на «фитнес, за который ещё и платят», а потом возвращались уставшие, но всегда в хорошем настроении, с улыбкой... Быстро пили чай и сажались обрабатывать то, что намерили на глубине. Именно они и мой руководитель – главный маркшейдер помогли мне наверстать упущенное.

И вот настал день, когда я, начальник и двое рабочих нашего отдела зарядились в «ламповой», взяли необходимые инструменты для работы и заторопились к стволу, где нас ждала клеть. Там, в зоне ожидания, услышала нашу фирменную поговорку: «Всё забыли, ничего не взяли?» Проверила: теодолитная книжка и карандаш в одном кармане, 5-метровая рулетка, мелок, отвес, светляк, 30-метровая рулетка – в других. Теодолит был в руке у шефа, а за молотки, штатив и клинья отвечали рабочие.

Загремела решётка открывающейся клетки, и вслед за другими шахтёрами мы зашли в небольшое помещение для спуска на сотни метров в шахту. Гул и рокот напомнили ощущение спуска в студенческие годы. Постаралась представить рок-концерт, чтобы

отвлечься. Незнакомый шахтёр протянул конфету. Поблагодарила. Полегчало. Клеть дёрнулась, и я еле удержалась, чтобы не ухватиться за рукав начальника. Стало немного стыдно: вдруг, подумает, что боюсь... Сейчас, конечно, привыкла, бывает и одна в клету поднимаюсь.

До места нашей работы мы ехали на «пассажирах» – электровагонах с вагончиками для людей, а потом ещё шли пешком около двух километров. Мне показалось – в два раза больше. По дороге поняла, что глаза у шахтёра должны быть как у хамелеона: видеть всё, что впереди, сверху, снизу и по бокам. Каска не зря придумана: проверила в тот день не раз. И очки защитили, когда сильная струя воздуха от вентиляции била в лицо.

Снепривычки в первый день идти быстрым шагом под землёй у меня получилось недолго. Приходилось часто отдыхать, и моим коллегам вместе со мной. Задумавшись, отвлеклась, споткнулась и попала ногой в яму, заполненную пульпой – вязкой смесью угольной пыли с водой. Сапог миглом наполнился пульпой. Товарищи помогли выволочь ногу. Начальник, недолго думая, поделился своей портянкой: у него оказалось по две на ногу.

Работу сделали быстро, без приключений. В забое ко мне подошёл один из проходчиков и протянул полиэтиленовый мешочек с конфетами. Подумала: «Второй раз за день. И не узнаю потом, кто». В темноте, в пыли, при тусклом свете шахтёрских светильников проходчики все на одно лицо.

Потом был долгий обратный путь. Из-за моих злоключений опоздали на «пассажир», и шли всю дорогу пешком. Нас обогнала пешая группа шахтёров, один из них браво выпягивал, несмотря на выпирающий живот, так называемую «шахтёрскую мозоль», на ходу рассказывая анекдоты. Я пыталась идти наравне с ним – не удалось. Начальник сказал, что обогнавший нас мужчина не очень давно перенёс операцию на сердце. «Вот это настоящая шахтёрская пехота!» – пронеслось в голове.

Дорога туда и обратно – около десяти километров. Ноги ныли и заплетались. Напоследок умудрилась зашнуровать о рельс в километре от ствола. Нога в сапоге шагнула, а сапог – не успел. Что поделать, если шахтёры с 35-м размером ноги – исключение, а потому мне выдали 39-й размер сапог, самый маленький?!

Вышла я из шахты в угольной пыли, в чужой портянке, с мокрыми чулками, уставшая до невозможности, зато с лицом настоящего шахтёра и с чувством выполненного долга. В конце рабочего дня главный маркшейдер подытожил, что «боевое крещение» я с честью выдержала.

Светлана Уланова

